

Barbara

Симона Виллар

ВЕТРАДА
ЯНТАРНАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
В44

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Ольга Сычак*

ISBN 978-966-14-1584-2 (pdf)

© Гавриленко Н., 2009
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2009, 2011
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2009

Предисловие

Перед вами третья, и последняя, книга о необычной жизни смоленской княжны Светорады. Воплотился мой замысел написать приключенческий исторический роман о женщине-славянке времен так называемых «темных веков», проследить ее судьбу с ранней юности до поры становления как личности. Мне хотелось сделать своеобразную зарисовку, показав, как могла бы сложиться жизнь женщины из далекого прошлого.

Детство и юность моей героини прошли на берегах Днепра, в славном городе Смоленске. Красивая и эгоистичная девушка была всеобщей любимицей, избалованной дочерью варяжского князя Эгиля Золото и смоленки Гордоксева. О том, кто во времена Олега Вещего был в Смоленске главой, ничего не известно, но я намеренно решила сделать отцом Светорады варяга, поскольку выходцы с севера занимали тогда главенствующее положение на Руси. Но так как героиня должна была быть нашей девушкой, то ее матерью стала славянка из древнего племени кривичей.

О городе Смоленске впервые упоминается в «Повести временных лет» от 882 года как о центре племенного союза кривичей, причем говорится, что уже тогда Смоленск был хорошо укрепленным и многонаселенным городом. Смоленск, занимавший выгодное положение на пути «из варяг в греки», играл на Руси немаловажную роль, поэтому мне хотелось начать повествование о судьбе моей героини именно оттуда. Чтобы изучить «места боевых действий», я специально поехала в Смоленск, побывала на реке и холмах, отметила особенности топографии, посмотрела на современных смолян. Конечно, от Смоленска, описанного в «Повести временных лет», ничего уже не осталось... но все так же течет Днепр между лесистых всхолмленных берегов, а под Гнездово, где некогда селились варяги, ведутся раскопки курганов.

Стремясь соединить вымысел и исторический материал, я позволила себе дать волю фантазии. В конце концов, главными в романе являются люди и прежде всего княжна Светорада с ее

своевольным, взбалмошным характером. А потому в центре повествования — ее непростая любовь к Стежке Стрелку, сложные отношения с женихом князем Игорем и Ольгой, будущей великой святой, а также с варягом Гунаром Хмурым, Олегом Вещим, братьями Ингельдом и Асмундом. Мне было интересно описывать быт наших пращуров, их празднества и верования. Обо всем этом я рассказала в романе «Светорада Золотая».

Сюжет второго романа трилогии, «Светорада Медовая», переносит читателя в земли племени мерян, на Волгу, в бескрайние южные степи, в солнечный Крым. Моя героиня оказалась в древнем Ростове, среди мерян. Увезшая ее ладья проходит по волжскому пути «из варяг в хазары», мимо столицы «черных болгар» и прибывает в столицу Итиль. Писать об исчезнувшем Хазарском каганате было и сложно, и интересно. Очень помогла в изучении материала книга Льва Гумилева «Древняя Русь и Великая Степь», откуда я почерпнула много интересного о былых обычаях хазар. В дальнейшем судьба переносит Светораду в степи, к печенегам. Здесь опять-таки помогла книга Л. Гумилева, а также прекрасная работа П. П. Толочко «Кочевые народы степей и Киевская Русь». Это не единственные материалы, к которым я обращалась, но основой были именно они, а также история Крыма — прекрасной древней Таврики с ее Херсонесом у синего Черного моря. Остальное — моя фантазия: приключения и герои из далекого прошлого — коварный тиун Усмар и мерянская шаманка Согда, хазарский царевич Овадия и болгарка Захра, скандинавка Асгерд и поединщик Скафти-Гург, хан Таштимер и ханша Ырас, бешеный Яукилде и благородный византийский патрикий Ипатий. О том, скольких людей встретила на своем пути княжна Светорада, знают все, кто прочитал роман «Светорада Медовая».

И вот, наконец, третья книга — «Светорада Янтарная». Признаться, мир Древней Византии был для меня абсолютно новым и ранее малознакомым. Художники, историки и писатели изображают Византию по-своему. Так, например, в романах Антонина Ладинского «Когда пал Херсонес» и Валентина Иванова «Русь изначальная» великое некогда государство представлено совершенно по-разному. Я же изобразила свою Византию — с ее великолепием, интригами, самомнением, мощью и противоречиями. Эпоха правления императора Льва Мудрого — один из интереснейших периодов в истории Византии, когда она была сверхдержавой, признанной законодательницей мод, образцом

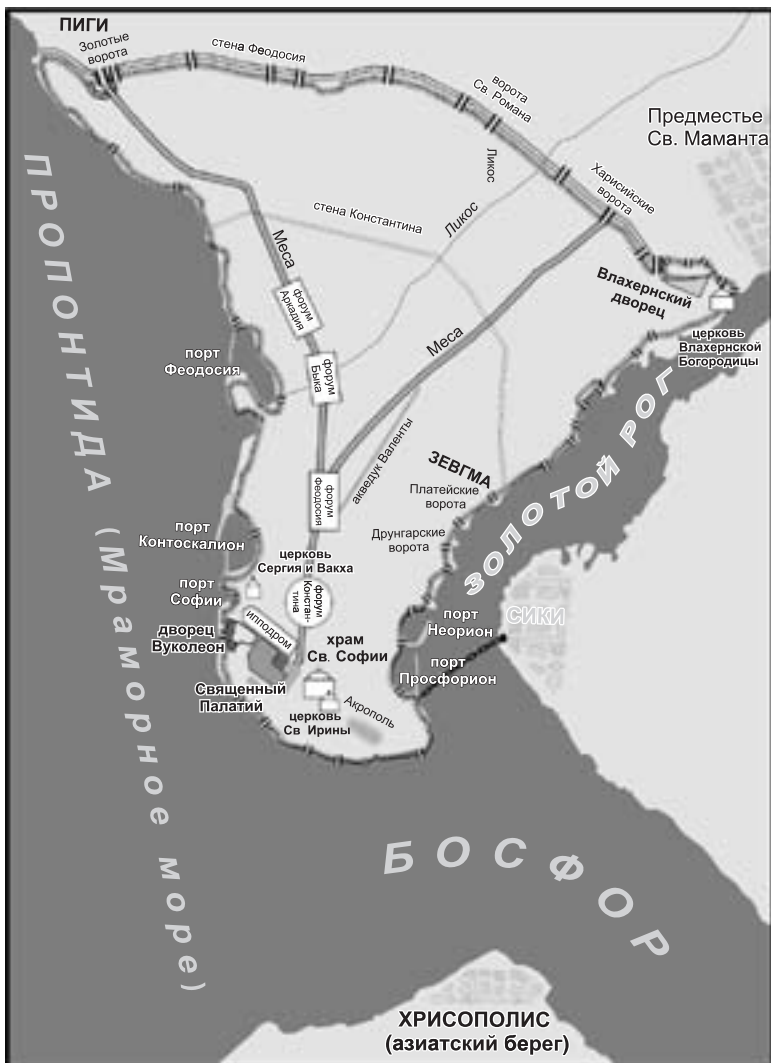

для подражания. Мне было несколько странно читать порой встречающееся у романистов мнение о постоянном упадке Византии, которая, вопреки этим утверждениям, казалась неуязвимой, отражала нападки врагов и зачастую сама шла в наступление. Со времен, упомянутых в «Светораде Янтарной», пройдет почти пять столетий, прежде чем Византия ослабнет настолько, чтобы пасть под ударами мусульман. В описываемый мною период это была великая империя, могущество и величие которой позволило показать как ее достоинства, так и пороки: высокомерие, вседозволенность и безнаказанность власть имущих, разнузданность нравов и пороки, скрытые за показной роскошью и внешним великолепием.

Именно на правление императора Льва Мудрого приходится упомянутый в «Повести временных лет» поход князя Олега на Константинополь. Разное говорят об этом походе, много спорят как об историческом факте. Но я писала художественное произведение, поэтому позволила себе пофантазировать и дать собственную оценку этому спорному, но яркому и неоднозначному событию. У меня флот Олега смело подошел к стенам Константинополя, продемонстрировав отвагу и силу молодой славянской державы, а князь Олег повесил свой щит на воротах Царьграда.

Работая над третьей книгой, я опиралась на многие литературные источники, в частности на труд харьковского профессора С. Б. Сорочана «Этюды рынка». К тому же я посетила Константинополь (нынешний Стамбул), где видела остатки стены древней столицы мира, ходила по развалинам дворца Вуколеон, ездила по заливу Золотой Рог и проливу Босфор, побывала в поразительном храме (ныне музей) Святой Софии — в общем, изучала город, в котором обитала и устраивала свою жизнь моя героиня. И теперь я предлагаю сей труд на ваше рассмотрение. Читайте, сопереживайте, соглашайтесь или не соглашайтесь. Я же хочу пожелать лишь одного: пусть вам будет интересно. И если вы что-то почерпнете из романа «Светорада Янтарная», я буду считать свою задачу выполненной.

С уважением, Симона Вилар

ГЛАВА 1

*906 год от Рождества Христова, июль месяц.
Византийское побережье Черного моря*

Н а юге светлеет рано. Особенно у моря. В час, когда солнце еще не взошло, но мир уже начал просыпаться, по извивающейся над кручей дороге скоро неслась запряженная парой мулов крытая двуколка. Правила ею молодая женщина в развевающихся светлых одеждах; погоняла мулов, даже покрикивала, раззадоривая животных, в то время как в самом возке сидели двое: пожилая почтенная женщина в надвинутой до бровей плоской шапочке поверх покрывала и сильный, крепкий мужчина с ровно подрезанной бородой и мощным торсом, обтянутым кожаной безрукавкой.

Вот молодая возница натянула вожжи, сдерживая бег животных, и ее «тпруу» громко и резко прозвучало в предутренней тиши. Едва мулы остановились, она с улыбкой оглянулась на своих спутников. Пожилая матрона только таращила глаза да переводила дыхание, а мужчина скупно улыбался, кривя рот в сдержанном смешке.

— Все в порядке? — спросила, отбрасывая вожжи, женщина.

И, не дожидаясь ответа, легко соскочила с козел на землю, кинулась прочь, на ходу скидывая белое, увитое вкруг лба покрывало, побежала по откосу, потряхивая головой, высвобождая этим движением схваченные узлом волосы,

так что они заструились пышным светло-золотистым каскадом по ее плечам и спине.

Пожилая матрона только и молвила ворчливо:

— Носится, как девчонка, право. Ни степенности тебе, ни достоинства.

— Позже все будет, матушка Дорофея, — произнес мужчина, тоже выходя из двуколки и беря под уздцы пофыркивающих после пробега мулов. В его греческом слышался заметный иноземный выговор. Он уверенно провел двуколку по небольшому склону к зарослям можжевелевой рощи и, покосившись на недовольно сопевшую спутницу, добавил: — Будет вам и степенность, и достоинство, и приказы, коими вы так восхищаетесь. Сейчас же она просто сама по себе — словом, Светорада, радость светлая!

Последние слова он произнес по-славянски. И хотя его спутница знала это непривычное для слуха византийцев иноземное имя госпожи, она тут же начала настаивать, чтобы он звал молодую женщину именем, данным ей при крещении: Ксантия, что значит рыжая, золотистая, светловолосая.

Мужчина никак не отреагировал. Он помог кряхтевшей Дорофее сойти с двуколки и, привязав мулов у можжевелевого куста, направился к округлому камню, подле которого и растянулся на земле, удобно положив рядом свой недлинный тесак и закинув сильные руки за голову — всем видом демонстрируя, что собирается поспать.

Дорофея устроилась в сторонке, предварительно постелив на землю войлочный коврик, и сидела какое-то время со спицами и вязанием, все время ворча, что вон, дескать, госпожа Светорада (сама не заметила, как назвала хозяйку все тем же варварским имечком) бегаёт, как легкомысленная девица, да и ее охранник, что куль с мукой, свалился под куст, не заботясь об охране госпожи. Но уже через пару минут ее голос стал монотонным, заработавшие было спицы опустились и матрона стала похрапывать в этой сонной ранней тиши под шелест колышимых ветром ветвей можжевельника и кипариса.

Охранник на миг приподнял тяжелые веки, покосился на нее, хмыкнул и, повернувшись на бок, вновь задремал. Он знал, что Светорада долго будет плескаться в море — эта ее прихоть уже стала для охранника привычной, — и понимал, что мешать ей не следует. И пусть Дорофея ворчит, что он, дескать, плохо следит за госпожой Ксантией, но не ей, взятой в услужение, ставить тут свои условия. Дорофея могла бы и не ездить с ними по утрам к морю, но уж больно добросовестна, знает, что по здешним благонравным правилам наставница обязана сопровождать хозяйку. Ну а ее славянский раб Сила — или Силантий, как его окрестили в Царьграде¹, — обязан везде охранять госпожу, владелицу богатого поместья Оливий и подругу знатного патрикия Ипатия Малеила. Но не стоять же ему над ней, когда она купается? Недаром ведь она выбирает для своих заплывов это тихое время, когда колокола в расположенном на горе монастыре Святого Пантелеймона еще не ударили, простые селяне только поднимают головы с ложа и никто не ведает, какое диво можно углядеть на морском берегу в этот предрассветный час.

А Светорада тем временем легко спускалась по склону, перескакивала с одного скалистого выступа на другой, пока не остановилась на округлом камне у самых вод Понта Эвксинского². Справа лиловел в серовой мгле далекий мыс. Вокруг стояла благостная тишина...

Светорада уронила на камень головное покрывало, отстегнула на плече заколку надетой наискосок накидки, стала расшнуровывать узкие башмачки желтой кожи. Почти у самых ее ног тихо шуршало море. Присев на камень, она опустила одну ногу в воду. Сейчас вода была тихая, как в озере, и теплая, словно подогретая, ласковая. Сквозь ее прозрачные всплески были видны волнующиеся внизу водоросли, а далее, где дно устилали мелкие камешки, море светлело. Светорада давно облюбовала это место для купа-

¹ Царьград — Константинополь (совр. Стамбул).

² Понт Эвксинский — Черное море.

ния. Две скалы по бокам маленькой бухточки защищали ее от любопытных взоров, и молодая женщина стала снимать оставшуюся одежду: длинное платье с вышитой каймой внизу, тонкую рубаху. Стояла на камне — нагая и прекрасная, как сама праматерь Ева; точеное тело с тонкой талией и округлой грудью нежно белело в сероватом свете нарождавшегося дня, маленькие ступни ног переступали по гладкому камню. Светорада попробовала было вновь связать свои светлые кудрявые волосы в узел, вскинула руки, но потом передумала, позволив легкому ветерку играть рассыпавшимися локонами. Положив руки на гладкие округлые бедра, она какое-то время медлила, глядя туда, где необъятное море еще не отделилось от небосвода.

Там, в той стороне, за далекими берегами находилась ее родная земля — любимая и незабываемая Русь, варварская Скифия, как называли ее тут, в Византии. Некогда Светорада родилась в граде Смоленске на Днепре, там ее просватали за молодого князя Игоря Киевского, но по прихоти беспокойной судьбы она так и не стала княгиней, зато успела побывать и супругой воеводы в далеком Ростове, и женой хазарского царевича, и подругой печенежского хана¹. А затем смоленская княжна попала в Византию и вот уже пять лет живет тут в богатстве и покое, почти довольная своей долей. Вот только... Только наедине с собой она могла признать, как скучает по Руси. Оттого в ее устремленных на горизонт ясных светло-карих глазах — янтарных, как говорили о них ромей², — светилась эта потаенная тоска. Русь... Как же давно она не получала вестей оттуда! Как грустила по тем далеким, столь отличным от этих краев землям, по дубравам и могучим рекам, по деревянным крепостям и хороводам на ромашковых полянах. Русь!..

¹ Об этих событиях рассказывается в романах «Светорада Золотая» и «Светорада Медовая».

² Ромей — так назывались жители разноэтнического населения Византии.

Светорада тряхнула головой, отгоняя негаданно нахлынувшую грусть. Глубже вздохнула, потянулась всем телом и, сложив руки над головой, легко и сильно прыгнула в воды ласкового моря.

...Легкий всплеск. Однако достаточно различимый, чтобы стоявший за выступом скалы раздетый молодой мужчина перестал вытирать свое мускулистое тело и оглянулся. Сперва он ничего не видел, кроме чуть отливавшего металлом моря, а потом его темные брови удивленно поднялись вверх, к мокрым завиткам волос, так как на блестящей поверхности моря показалась небольшая аккуратная головка и тут же начала удаляться, оставляя на воде след своими распущенными, похожими на водоросли волосами. Затем она опять нырнула и всплыла уже много дальше. Молодой человек даже перекрестился, словно увидел неведомое мифическое существо, но уже через миг его сложенные для крестного знамения пальцы застыли у плеча, ибо пловчиха вдруг сделала резкий, по-мальчишески размашистый гребок и благодаря легким движениям стала уплывать прочь, сильно и ловко загребая воду. И тогда он улыбнулся, довольным и радостно, будто в предвкушении чего-то приятного, медленно вошел в воду и поплыл.

Светорада его не заметила. Она наслаждалась морем и той силой, какую ощущала в себе, двигаясь скоро и мощно, словно в ее легком, нежном теле таились неведомые силы. Они и впрямь таились, проявляясь сейчас в движении, в ощущении единения с водной стихией, когда она позволяла себе отбросить все условности, быть самой собой, резвой и полной жизни молодой женщиной, чья неумная энергия требовала выхода. Светораде хотелось устать той телесной радостью, какая даст ей потом смиренно нести свой крест... как учат христиане. Русскую княжну, выросшую на берегах Днепра, и по сей день продолжала удивлять та легкость, с какой морская вода держала и несла ее умелое тело. Порой она гибко уходила под воду, видя на дне темные пятна покрытых водорослями возвышенностей, потом вновь выныривала,

втягивала в себя душистый морской воздух и плыла навстречу постепенно светлевшему небу.

Вон уже ярче вспыхнул горизонт, показался слепящий диск солнца, от которого, золотя море, к плывущей женщине протянулась искрящаяся дорожка. Светорада перестала грести, закачалась на волнах, шурясь на встающее светило. Где-то в вышине с протяжным криком пролетела чайка. Светорада проводила ее взглядом, потом откинулась на спину, и ласковая морская вода поддержала ее, подняла, покачивая в золотящихся, переливающихся светом волнах.

В воде ощущались некие невидимые потоки, были слышны бульканье и хлопанье, а вверху ясно голубело небо без единой отметины облаков. Днем небо станет почти белесым от жары, а сейчас оно нежное, прохладное, спокойное. Оно чуть нежнее там, откуда его озаряет солнце. И плещется тихо вода, умиротворяя, давая отдохнуть перед тем, как Светорада поплывет к берегу, чтобы вновь стать госпожой Ксантией из богатого поместья Оливий...

Какой-то звук... Более громкий всплеск и шум встревожили разнежившуюся женщину. Она перевернулась в воде, огляделась... И вдруг... Чье-то крупное тело рядом ушло под воду, мелькнув тенью, и Светорада вскрикнула, когда почти подле нее из воды возник кто-то еще.

Молодая женщина резко отпрянула, едва не задохнулась от страха. Берег так далеко, а она совсем одна... Сердце билось почти оглушающе.

— Я напугал тебя, прекрасная морская наяда?

Она и впрямь испугалась и была готова в любой миг кинуться прочь, плыть изо всех сил. Но его голос, ровный и чуть задыхающийся, немного успокоил. Но успокоил ли? Сердце по-прежнему горячо колотилось, дыхание было прерывистым и нервным.

— Еле смог догнать тебя, дивная дочь моря.

Мужчина, молодой и пригожий. Он покачивался на волне, смотрел на нее и улыбался. Она видела его просвечивающееся сквозь воду тело, обнаженное и ловкое, сильные плечи

в блестящих на солнце каплях, белозубую улыбку. Незнакомец чуть шурился, улыбка его была лукавой и приветливой. И оттого что он больше не стремился приблизиться, а только смотрел, Светорада смогла наконец прийти в себя. Подумала сперва: какой это стыд — оказаться голой перед незнакомцем. Но ее укрывала искажающая все вода, которая была для прекрасно плавающей княжны своей стихией, знакомой и послушной, и именно это ощущение вдруг стало приводить Светораду в некое почти нереальное состояние. Они были вдвоем далеко от высившегося уступами берега, их озаряло солнце, и этот незнакомец перестал внушать ей страх.

А еще он был очень привлекателен. Светорада даже чуть склонила голову, разглядывая его лицо, молодое, смуглое, с красиво обрамлявшими его мокрыми завитками темных волос, круто изогнутыми бровями, тонким носом и чувственными улыбающимися губами. Глаза же у него... Глаза были светло-голубые, ясные и безмятежные, как небо над головой. Оттененные угольно-черными загнутыми ресницами, они показались Светораде удивительно красивыми.

Взволнованная и очарованная, она невольно ответила на его улыбку. И поддержала начатую им игру:

— Я не ожидала встретить тебя тут, морской тритон.

В ее голосе слегка сквозил иноземный выговор, не исчезнувший за годы жизни среди ромеев. Но этот акцент, похоже, чем-то позабавил незнакомца. Он вдруг откинулся на воде, взмахнув руками и подняв фонтан брызг, и громко засмеялся.

— Где же еще встретить наяде тритона, как не в волнах моря? — произнес он, все еще смеясь. — Я долго плыл за тобой, но смог настигнуть только тогда, когда солнце остановило тебя. И теперь я могу сказать, что ты прекрасна, как рассвет, свободна, как волна, и удивительна, как весь этот мир.

На Светораду вдруг нахлынуло необыкновенное чувство. Все, что происходило, казалось нереальным, неким чудом, когда возможно все, что угодно. Она позволила незнакомцу